

Юлиана Ульянова

Правда о ближнем

Маятник

Все уезжают из страны —
давно тесны её границы.
Все убегают из страны —
как из тюрьмы или больницы.

А я, как маятник, стою
не на краю, но близко к краю —
и то билеты достаю,
то машинально убираю.

От Биржи Вечного Труда
с гнилым амбаром Минсельхоза
страдальцу хочется туда,
где устарела эта поза.

Где дарят разный капитал —
и материнский, и дочерний.
Но — цвет небес, родной металл...
Но — этот нежный свет вечерний...

Заката робкое клише,
что розовел над кромкой леса,
и отпечатался в душе, —
как будто пятка Ахиллеса.

Ах, эта бедная душа,
как приживал, сидит на шее —
и жизнь-то ей нехороша,
и смерть-то ей нехорошее.

Юлиана Ульянова (псевдоним; настоящее имя — Юлия Игоревна Ульянова) — поэт, литературный критик. Родилась в 1985 году в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ и магистратуру Государственного университета управления. Выпускница литературной студии «Луч». Автор книги стихов «Девочка с демонами» (М., 2010). Составитель поэтических антологий для издательства «Эксмо», в том числе «Страшные стихи» (совместно с Д. Быковым). В журнале «Дружба народов» печатается впервые. Живет в Москве.

Сон князя

Князь беспокойно ворочался, понимая,
что русский народ — раздроблен, дремуч, незряч.
С юга на Русь катилось войско Мамай —
чёрный гремящий шар, человекомяч.

Князь был печален, светел, был безутешен.
А внутренний голос вещал каждый день в году:
«Что тебе эта родина? Горсть скворечен,
белый костёр на льду.

Тьма путевая, локация огневая.
Власть меховую шкурою на плечах
тяжко лежит у тебя, и она — живая,
а ты уж поди зачах.

Брось, отрекись, ибо крови твоей не стоит
тёмная Русь, и трагедию не ломай.
Так ли она — взаправду — страдает, стонет?
Так ли уж плох Мамай?»

Князь усмехался, и месяц-кузнец над Доном
лил серебро расплавленное над рекой:
«Что ж отступить, если даже во сне ладоням
слишком легко без меча да тяжёл покой?»

Видел под утро княже родные сечи,
красные речи, горящие города...
Вечна — резня. А этот Мамай не вечен,
как и его орда.

Смоленская дорога

Не с бравадой российской, а с робкой печалью вселенской,
отстаем тихонько по старой дороге смоленской —
в тишине,
на своих на двоих,
без коней и орудий,
ковыляем, как будто от фразы отставший герундий.

По России, в мороз, и пешком, и совсем без оружия —
а на снежную мягкость ложатся копыт полукружья,
развевается облачко дымное — сера, не порох —
это правда о ближнем в дорожных рождается спорах.

Кто он, рядом идущий?
Скрывает лицо капюшоном
и впивается в путников взглядом своим отрешённым,
этим глазом пустым, почерневшим стеклянным софитом,
под которым скопытиться хочется нам, неофитам.

Он кивает, он нас утешает, он всё понимает —
то один, то другой поскользнётся и ногу ломает.

Он к упавшему бросится, вьётся, юлит, убеждает
распрощаться с морозной страной, что нас всех побеждает,
с молодыми берёзками, с домом, кривым и белёсым —
этим рубленим символом грусти за лесом и плёсом,
с доморощенной русской тоской, завывающей в песне,
даже с матерью нищей, живущей на пенсию в Пензе, —

чтобы к чёрту летели куличики-тройки-савраски!
чтобы только бушующий праздник и яркие краски,
только синь высоты, где безумная пляшет сорока...
А не эта забытая Богом родная дорога.

Дрожащая тварь

Дрожащая тварь дрожит не всегда —
например, не дрожит от любви
и от радости где-нибудь в зале суда,
где вопрос в её пользу решён.

Не дрожит от волнения без ясных причин
в ожидании нового дня,
от рождения текста в глубокой ночи —
хотя автор в халате смешон.

И от смеха она не дрожит никогда,
и хотя она вовсе не тварь,
ей смеяться нельзя и не можно смешить,
а то могут её зарубить, задушить,
говоря на жаргоне — пришить.

А когда наступает свежайший январь,
то есть новый радостный год,
она ходит по тёмной квартире пустой
и не может унять свою дрожь —

и молекулы мира синхронно с ней
вдруг приходят в движение,
колебание эфира, вращение сфер,
всей планеты кружение...

Как мотор завели — снега замели.
Механизмы мира просты.
Вот дрожащая тварь — это соль земли.
А кто, собственно, будешь ты?